

Обладать приятной внешностью, хорошей семьей и успехами в учебе — это уже само по себе редкость. Но тут Лу Цзечао заявил, что есть человек еще более выдающийся, чем Гу Яньфэн, и этот человек — его собственный младший брат.

— Родной брат? — Ли «Продаю жалость» еще не получил ответа, а в его голове уже выстроилась картина: любовница приводит гениального сына, чтобы выжить законного наследника.

— Да. От тех же отца и матери, — Лу Цзечао разрушил его фантазии.

Чжан «Продаю почку» оказался куда прагматичнее. Откусив кусочек зажаренного до золотистой корочки куриного крылышка, он с легким вздохом заметил:

— Родному брату, пожалуй, даже хуже, чем неродному. Помню, отец возлагал на него большие надежды, даже знакомил с нужными людьми. Теперь его все знают.

Под «ним» Чжан, разумеется, имел в виду Гу Яньфэна.

Чем выше взлетаешь, тем больше падать.

Что теперь думают о Гу Яньфэне те, кто завидовал его стремительному взлету к должности президента и статусу будущего наследника компании? Как теперь Гу Яньфэну крутиться в этом мире, где все меняют убеждения в угоду ветру?

Су Цзинчэнь молчал, но поверил почти во все.

В отличие от него самого, сироты без роду и племени, семья Гу Яньфэна всегда была символом успеха и постоянного процветания.

Когда Гу Яньфэн учился в старшей школе, семья Гу уже купила недвижимость в столице. В университете он каждую неделю мог приезжать домой, чтобы провести пару дней с близкими. Су Цзинчэнь когда-то даже завидовал ему: у Гу Яньфэна не только безоблачное будущее, но и любящая семья.

Теперь, на четвертом курсе, во время стажировки, Гу Яньфэн вдруг съехал из дома. Если не из-за ссоры с родными, то по какой еще причине?

Осознав, что они с Гу Яньфэном столько времени были соседями, а он даже не задумывался об этом, Су Цзинчэнь поник. Даже жареный лук-порей во рту потерял всякий вкус.

Су Цзинчэнь: Хм, подлец, кота гладит, а меня нет.

Гу Яньфэн: Хорошо-хорошо, сейчас начну гладить тебя.

Су Цзинчэнь: Постой, зачем ты снимаешь одежду?

Гу Яньфэн: Гладить тебя.

Час ночи. Су Цзинчэнь, пропахший алкоголем, вернулся в свою обшарпанную квартиру.

Сентябрьская ночь, луна светит ярко.

Городское небо всегда подернуто дымкой, здесь не увидишь таких звезд, как в пригороде, но если ты достаточно силен, луна все равно будет сиять над головой.

Су Цзинчэнь, весь вечер слушавший жалобы на работу, шел по двору, вдыхая углекислый газ, выдыхаемый растениями, и думал, что жизнь — это чертовски паршивое путешествие.

Раньше он думал, что путешествие — это способ сменить обстановку, очистить разум и обрести себя. На деле же ты просто притаскиваешься, весь в поту, в место, которое уже осточертело местным жителям и пропитано их недовольством.

Радость всегда приносят деньги, а не само путешествие.

Жизнь кажется счастливой лишь благодаря череде удач, а не из-за изнурительного процесса борьбы.

На мгновение Су Цзинчэню показалось, что в жизни нет никакого смысла: путь под ногами уже проложен кем-то другим, а свет, который он видит, ограничен лишь тем, что ему позволяют видеть.

В тот момент, когда его накрыло отчаяние, он увидел двух котов, принимающих «световые ванны».

Видимо, они только что поели. Коты лежали на чистом асфальте, вылизывая друг друга, и на их мордах читалось полное удовлетворение.

Один — черно-белый, другой — настоящий рыжий кот.

Черный был покрупнее, почти весь угольно-черный, но с пятном белой шерсти на морде, тремя

белыми лапами и одной черной. Окрас не самый изящный, неудивительно, что никто его не взял.

Меньший — рыжий, тот самый, которого тетушка называла Дахуан. Оранжевые полосы на спине, белоснежный живот, обычный здоровый кот — таких люди охотно забирают домой.

Гу Яньфэн кормил его месяц, и Дахуан быстро раздобрел, даже щеки появились. Хотя костяк у него меньше, чем у черного, когда он сворачивался в клубок, то становился похож на круглый приплюснутый апельсин. Су Цзинчэнь считал, что имя «Толстый рыжик» подходит ему куда больше.

Они прижимались друг к другу. Большой рыжий лениво зевал, на его пухлой мордочке читалось легкое высокомерие, а счастье пропитывало каждую шерстинку. Черный внимательно вылизывал рыжего. За исключением того момента, когда он настороженно взглянул на Су Цзинчэня, его черные глаза не отрывались от рыжего друга.

Су Цзинчэню стало не по себе.

Даже коты показывают свою любовь, а он — одинокий волк.

Вздыхнув, Су Цзинчэнь по привычке поднял голову, чтобы посмотреть на ночное небо, и неожиданно заметил знакомую фигуру у окна.

Гу Яньфэн опирался на перила балкона, в руке у него была чашка кофе. Вероятно, он был сильно раздражен: его всегда безупречная рубашка выглядела небрежно, три верхние пуговицы расстегнуты. Из-за того, что Гу Яньфэн стоял спиной к свету, Су Цзинчэнь не мог разглядеть детали в тени.

Рукава тоже были расстегнуты и небрежно закатаны до локтей. Строгие деловые часы подчеркивали косточки на запястьях. Если память не подводила Су Цзинчэня, это были Patek Philippe. У Гу Яньфэна было несколько часов этой марки, видимо, он их очень любил.

Су Цзинчэнь не разбирался в роскоши, но однажды запомнил рекламный слоган Patek Philippe: Никто никогда не владеет Patek Philippe, вы просто храните их для следующего поколения.

Вспоминая разговоры за ужином, Су Цзинчэнь подумал, что выбор именно этой марки звучит довольно иронично.

Действительно, никто не может вечно владеть властью и деньгами, все лишь хранят их для следующего поколения или отбирают друг у друга.

Гу Яньфэн тоже заметил Су Цзинчэня и, стоя против света, приподнял кофейную чашку в безмолвном приветствии.

Су Цзинчэнь слегка кивнул в ответ.

Черт возьми. А он неплохо смотрится, опираясь на балкон.

Пока в душе Су Цзинчэня бурлила зависть, он заметил какой-то предмет одежды на подоконнике над головой Гу Яньфэна и тут же улыбнулся.

Да, в неподходящей обстановке даже красавец выглядит комично.

Ладно.

Один — один, они снова квиты.

В приподнятом настроении Су Цзинчэнь, позвякивая ключами и напевая под нос, медленно побрел к подъезду.

...

Через пять минут Гу Яньфэн, у которого в квартире не было дверного звонка, спустился вниз, чтобы открыть дверь.

Су Цзинчэнь немного смутился. К счастью, Гу Яньфэн не ушел сразу, а остался на балконе — проветриться и посмотреть на котов. Иначе в такое позднее время ему пришлось бы лезть в собачью дверцу.

Хорошо, что Гу Яньфэн не ушел раньше, сохранив ему остатки человеческого достоинства.

— Ты не взял ключи? — Гу Яньфэн учуял запах алкоголя и нахмурился.

Хотя ему самому приходилось бывать на приемах и пить, он не хотел чувствовать запах спиртного от Су Цзинчэня. Алкоголь вредит здоровью, а тем более Су Цзинчэню.

— Взял, — Су Цзинчэнь потряс двумя жалкими ключиками. — Я просто не умею открывать эту дверь.

— Оу, — Гу Яньфэн кивнул, подошел к нему и захлопнул дверь.

Су Цзинчэнь: «...»

Глядя на закрытую дверь, а затем на Гу Яньфэна, Су Цзинчэнь икнул и тут же выпалил:

— Прости.

Неважно, когда именно он успел провиниться перед Гу Яньфэном, сначала нужно извиниться. Су Цзинчэнь никак не ожидал, что Гу Яньфэн окажется таким жестоким: предпочтет остаться с ним снаружи, лишь бы не впускать его.

— ??? — внезапно услышав извинение, Гу Яньфэн опешил, но, учуяв запах алкоголя, кое-что понял. — Ты пьян?

— Нет, — Су Цзинчэнь пил мало, до опьянения было далеко. Мозг работал медленно, но сохранял ясность.

— Понимаю, — кивнул Гу Яньфэн. Все пьяные говорят, что не пьяны.

Вторую часть фразы он не произнес, но Су Цзинчэнь прочел всё по его лицу. Он знал, что сейчас ничего не докажет, к тому же был слишком уставшим и сонным, поэтому решил не оправдываться:

— Да что ты понимаешь? Я извинился, ты теперь откроешь дверь?

Ключ уже был в скважине, но в голове Гу Яньфэна созрел другой план. Первая реакция Су Цзинчэня — не гнев, а извинения. А после алкоголя люди часто говорят правду.

Не значит ли это, что Су Цзинчэнь за его спиной сделал что-то нехорошее?

Гу Яньфэн вытащил ключ обратно, решив воспользоваться тем, что Су Цзинчэнь соображает туго, и вывести его на чистую воду:

— За какой именно поступок ты извиняешься?

Как только прозвучал этот вопрос, в памяти Су Цзинчэня пронеслись десятки событий. Он не посмел ничего сказать и молча опустил голову.

Ночью было тихо, лишь шелестела листва.

Толстый рыжик и Черный лежали у ног Гу Яньфэна, разглядывая Су Цзинчэня, словно пытаются понять, кто этот человек, который так долго разговаривает с их хозяином.

Спустя мгновение Су Цзинчэнь робко поднял голову и осторожно взглянул на Гу Яньфэна, но не увидел в его глазах ни капли упрёка.

Осмелев, он прошептал то, чего боялся больше всего:

— За «один выстрел — одно попадание»?

Гу Яньфэн: «...»

Если бы Су Цзинчэнь не напомнил, Гу Яньфэн уже почти забыл об этом. Теперь же постыдные воспоминания нахлынули волной.

Заметив, что Гу Яньфэн помрачнел, Су Цзинчэнь вжал голову в плечи, не смея больше произнести ни слова.

И когда он уже решил, что его песенка спета, раздался голос, подобный музыке:

— Забудь. Я всё равно еще должен тебе черешню.

Гу Яньфэн всегда держал слово, просто роман Су Цзинчэня был настолько раздражающим, что после прочтения он боялся подойти к нему, чтобы не сорваться и не ударить. А потом навалились проблемы на работе, и он совсем забыл про черешню.

Су Цзинчэнь уловил в его тоне недовольство и некое смирение ради будущего мирного сосуществования.

Пьяный Су Цзинчэнь, решив, что он очень хитер, выложил и всё остальное, надеясь, пока Гу Яньфэн в хорошем настроении, разом покончить со всеми грехами.

— Еще... прошу прощения за нижнее белье. У меня не должно было быть таких глупых мыслей.
— Су Цзинчэнь понимал, что это пустяк, но его мозг работал странно: стоило увидеть Гу Яньфэна, как взгляд сам падал на его личные вещи. Это было какое-то извращение.

Гу Яньфэн: «...»

Странная, бессвязная фраза, но Гу Яньфэн прекрасно понял, о чем речь, и вспомнил, что на балконе у Су Цзинчэня всегда сушилось всего две вещи.

По сравнению с «одним выстрелом», история с бельем казалась полной чушью. Он даже не разозлился — просто не мог понять логику Су Цзинчэня.

Встретившись с его робким взглядом, Гу Яньфэн почувствовал, как сердце пропустило удар. На мгновение ему показалось, что он снова видит того маленького черного котенка из старшей школы — без желаний, но с робкой надеждой на любовь.

— Проехали, — Гу Яньфэн решил, что это даже не требует прощения, потому что проблемы попросту не существовало.

Друзья или братья никогда не обращают внимания на такие мелочи. В университете у Гу Яньфэна не было близких друзей, но он видел, как другие парни постоянно подшучивали друг над другом. Он подсознательно проецировал эти отношения на их с Су Цзинчэнем общение.

— И еще, еще, — Су Цзинчэнь решил, что сегодня Гу Яньфэн необычайно добр, и продолжил:
— В третьей книге ты снова будешь главной героиней.

Гу Яньфэн: «...»

Температура резко упала. Су Цзинчэнь почувствовал, как по спине пробежал холодок, и опасность мгновенно привела его в чувство. Язык опередил мысли:

— От... откроешь дверь, красавчик Гу?

Гу Яньфэн наконец вспомнил, зачем спустился. Гнев, который только начал закипать, развеялся от этой легкой фразы.

Су Цзинчэнь — удивительный человек. Одна фраза злит его, один взгляд заставляет смягчиться. Какими же чарами обладает этот парень, что так легко управляет его настроением?

Отбросив лишние мысли, Гу Яньфэн снова вставил ключ в скважину:

— Я научу тебя открывать дверь.

— А? Оу. — Су Цзинчэнь был уверен, что Гу Яньфэн только что злился, и не понимал, как тот мог так быстро сменить гнев на милость и еще учить его открывать дверь. Это было более странно, чем раздвоение личности.

Гу Яньфэн объяснял, показывая:

— Дверь немного перекошена. Когда вставляешь ключ, нужно чуть приподнять дверь, позиция должна быть точной. Пока настраиваешь, пробуй поворачивать ключ.

Всего пара движений — и дверь с щелчком отворилась.

Су Цзинчэнь смотрел на дверь, которая так легко поддалась Гу Яньфэну, и глаза его округлились:

— Кто тебе сказал?

— А разве нужно, чтобы кто-то сказал? — парировал Гу Яньфэн.

Су Цзинчэнь: «...»

Никакой солидарности. Этот ответный вопрос выставил его полным дураком.

— Запомнил? — Гу Яньфэн видел, что Су Цзинчэнь смотрит рассеянно.

— Запомнил, — Су Цзинчэнь закрыл дверь и попробовал сам.

Благодаря советам Гу Яньфэна, он справился с первого раза.

Вспомнив, как раньше, не умея открывать дверь, он старался приходить в часы пик, чтобы зайти вместе с кем-то, Су Цзинчэнь почувствовал гордость.

Он наконец-то научился!

На волне успеха он похвастался:

— Смотри!

— Молодец, — Гу Яньфэн, увидев эти сияющие глаза, не удержался и взъерошил его волосы.

Су Цзинчэнь: Спасибо, Гу-прилипала, что сохранил мое человеческое достоинство, теперь не придется лезть в собачий лаз.

Гу Яньфэн: И как же ты отблаговаришь?

Су Цзинчэнь: Тогда я... подарю тебе треугольные. Чтобы в следующий раз ты мог любоваться пейзажем под «треугольником».

Гу Яньфэн захлопнул дверь.

(Реальность) Предел домоседства

Большая теплая рука на голове была такой приятной, что Су Цзинчэнь растаял, но тут же усомнился: не надышался ли Гу Яньфэн его алкогольными парами?

Между друзьями потрепать друг друга по голове — обычное дело. Су Цзинчэнь старался сохранять спокойствие и не придумывать лишнего.

Гу Яньфэну понравилось ощущение, и он погладил еще пару раз.

Когда он убрал руку, атмосфера между ними стала странной, пронизанной едва уловимой двусмысленностью.

Су Цзинчэнь машинально открыл дверь, и они молча поднялись наверх.

Хотя они жили на третьем этаже, лестница была узкой и темной. Су Цзинчэнь, насмотревшись фильмов, боялся таких мест, где герои обычно погибают, и предпочитал лифт с камерами.

Гу Яньфэн тоже привык к лифту — в деловых костюмах и туфлях по узкой лестнице ходить неудобно.

Толстый рыжик и Черный пролезли через огромный собачий лаз в квартиру и проводили взглядом парней, вошедших в лифт. Они задрали морды, гадая, кто же этот парень рядом с Гу Яньфэном.

В замкнутом пространстве лифта неловкость усилилась.

Гу Яньфэн убеждал себя, что не должен смущаться — это нормальное поведение друзей. Но в нос бил запах алкоголя, а лицо Су Цзинчэня в свете ламп слегка покраснело.

Су Цзинчэнь вечером съел что-то острое и жирное, его губы блестели и казались красными. И даже... симпатичными. Гу Яньфэн невольно задержал на них взгляд.

Двери лифта открылись. Су Цзинчэнь вышел первым, а Гу Яньфэн, всё еще думавший о его губах, последовал за ним.

Гу Яньфэн чувствовал, что с его головой что-то не так. С чего бы ему вдруг приходить в голову такие странные мысли о Су Цзинчэне? Неужели алкоголь так влияет? Или ночь слишком глубока?

В полузабытьи он зашел вслед за Су Цзинчэнем в квартиру.

Переступив порог, Гу Яньфэн испугался, что случайно попал в книгу, и не решился сделать

второй шаг.

Хотя такие старые дома часто ремонтируют перед сдачей, материалы обычно дешевые, а стиль напоминает восьмидесятые-девяностые: белые стены, проводка снаружи.

Но квартира Су Цзинчэня была другой.

Кухню переделали так, что готовить в ней было невозможно. Ванная комната осталась на месте, но всё внутри было новым. Стену между гостиной и балконом заменили на стеклянную дверь в пол. Весь интерьер выполнен в популярном стиле инста-минимализма, а благодаря продвинутому оборудованию казался футуристичным.

Шторы на электроприводе, робот-пылесос ждал команды у стены. Кондиционер, лампы, чайник — всё было «умным» и управлялось с помощью голосового помощника на книжной полке.

Кухня стала открытой, от нее осталась только мойка. Рядом стоял четырехдверный холодильник — для одного человека это было чересчур. Всё остальное пространство занимали полки с горами закусок и лапши быстрого приготовления — целый магазин, которого не хватило бы и на месяц.

В гостиной — стеллаж во всю стену: диски, книги, десятки музыкальных инструментов. Гу Яньфэн узнал лишь клавишные, скрипку, губную гармошку и флейту, остальное выглядело как игрушки.

Диван и журнальный столик были самыми обычными, но в углу стояла игровая капсула. Футуристичный дизайн, матовые темные тона, эргономичное кресло, три огромных экрана, висящих в воздухе, и мощная акустическая система. Мечта любого домоседа.

Даже Гу Яньфэн, который не любил игры, почувствовал, как чешутся руки.

Глядя на всю эту роскошь, он прикинул ежемесячные расходы Су Цзинчэня. Было ясно, что тот не привык экономить. И вот теперь — такая дорогая квартира. Писатель из него, судя по всему, так себе — сможет ли он вообще прокормить себя после выпуска?

— Ты... ты хочешь зайти посидеть? — Су Цзинчэнь стоял у порога, занеся ногу, но не решаясь войти, и настороженно оглянулся на Гу Яньфэна, который уже наполовину переступил порог.

Ночь была глубокой, он ужасно устал и хотел только одного — помыться и лечь спать, сил на гостей не было.

Гу Яньфэн поспешно отказался:

— Я домой.

Признаться, что перепутал двери, было слишком стыдно.

Он в два счета вернулся в свою квартиру.

<http://bllate.org/book/21619/2230190>